

**«Ты пришел в этот мир, чтобы сделать явной мою Сунну»:
агиографический портрет Абу Ханифы
в «Поминании друзей Божиих» Фарид ад-дина ‘Аттара
(ум. 1221)**

М.А. АЛОНЦЕВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

DOI: 10.55512/WMO634393

Статья поступила в редакцию 10.02.2025.

Аннотация: В статье представлены перевод и анализ жития Абу Ханифы из персоязычного суфийского агиографического компендиума «Поминание друзей Божиих» Фарид ад-дина ‘Аттара Нишапури (ум. 1221). Данное житие выделяется среди других частей сборника своими функциями, характерными для подобного рода произведений: агиографические тексты одновременно должны быть обращены и к членам сообщества, и к внешним слушателям, которые являются потенциальной базой для расширения движения. С одной стороны, включение известного правоведа в число «друзей Божиих» следует в русле тенденции к конструированию истории суфийского благочестия сквозь разные эпохи. С другой — содержание жития позволяет судить о его полемической направленности, что демонстрирует важную сторону жизни как суфийского движения, так и средневековой мусульманской интеллектуальной среды вообще, находившейся в постоянных дискуссиях. Наконец, в житии Абу Ханифы также отчетливо прослеживается тенденция к представлению суфизма в качестве единственно правильной стратегии благочестивого поведения для мусульман — в данном случае праведник не только является примером для подражания для последователей суфизма, но и должен привлечь внимание извне сообщества.

Ключевые слова: Аттар, внутриконфессиональная полемика, легитимация суфизма, конструирование традиции, суфизм, суфийская агиография.

Благодарность: Данная статья выполнена при поддержке стипендиальной программы Духовного управления мусульман г. Москвы и благотворительного фонда «Закят».

Для цитирования: *Алонцев М.А.* «Ты пришел в этот мир, чтобы сделать явной мою Сунну»: агиографический портрет Абу Ханифы в «Поминании друзей Божиих» Фарид ад-дина ‘Аттара (ум. 1221) // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 2 (вып. 61). С. 51–62. DOI: 10.55512/WMO634393.

Об авторе: АЛОНЦЕВ Максим Альбертович, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия) (malontsev@hse.ru). ORCID: 0000-0003-2490-1551.

Агиографический компендиум Фарид ад-дина 'Аттара Нишапури (ум. 1221) «Поминание друзей Божиих» (*Tazkirat al-awliya*) представляет собой один из ключевых памятников средневековой суфийской персидской словесности, хотя не является ни первым среди подобного рода сочинений, ни наиболее выдающимся с точки зрения хронологического, географического или тематического охвата. Произведение 'Аттара выделяется в первую очередь как литературный памятник: будучи единственным прозаическим трудом автора, который знаменит своими суфийскими поэмами, «Поминание» отличается от типологически схожих сочинений степенью и качеством литературной обработки материала. 'Аттар скрупулезно работал со своими источниками — арабскими и персидскими био- и агиографическими сочинениями, а также привлекал обширный корпус историй, бытовавших изустно. Другими словами, этот компендиум, с одной стороны, сохраняет преемственность суфийской литературы Хорасана X–XIII вв., а с другой — стоит в ней особняком, выделяясь для той поры нехарактерными чертами.

Данная статья посвящена главе «Поминания»¹, рассказывающей об Абу Ханифе (699–767), одном из наиболее влиятельных правоведов в истории ислама и основателе ханафитской правовой школы. Важно понимать, что текст 'Аттара не следует воспринимать как биографию правоведа, даже несмотря на то что в нем упоминаются исторические персонажи, реалии, а некоторые рассказы вполне могут быть основаны на реальных событиях. «Поминание» об Абу Ханифе является текстом агиографическим, цель которого рассказать не о жизни подвижника, а о его духовном пути, благочестивых деяниях и высоком статусе. Более того, Абу Ханифа в этом тексте представлен не столько как правовед, сколько как «друг Божий» (*wali*) — человек, избранный Богом и наделенный особыми качествами благодаря своему благочестию.

Концепция «друзей Божиих» становится краеугольным камнем в процессе создания суфийской благочестивой истории в суфийских текстах X–XIII вв. С самого момента возникновения суфийское движение подвергается критике со стороны других религиозных сообществ, уповающих на собственное благочестие и претендующих на исключительный духовный статус религиозных ученых, аскетов и др. Суфизм называют недопустимым религиозным новшеством (*bid'a*) и критикуют за несоответствие ряда суфийских практик шариату². Реакцией суфийских авторов на эти обвинения становятся попытки обосновать легитимность суфийского движения, его «правоверность» и соответствие Сунне пророка Мухаммада. Выстраивание истории суфийского движения как континуума, берущего начало во временах сподвижников Пророка и продолжающегося поколениями друзей Божиих, становится одним из ключевых механизмов легитимации суфизма. При этом в поколения друзей Божиих — суфийский извод истории мусульманского благочестия — включаются представители раннему-сультанского аскетизма и региональных мистико-аскетических движений, видные правоведы и знатоки хадисов. Другими словами, в процессе конструирования суфий-

¹ На настоящий момент силами научного коллектива, частью которого являлся автор статьи, были выпущены комментированные переводы на русский язык ряда житий сборника: Малика Динара (Чалисова 1989), Хусайна б. Мансура Халладжа (Рейснер, Чалисова 1998), Увайса Карани (Чалисова 2015), Али Сахла Исфакхани (Заглубоцкая 2015), Джунайда Багдади (Алонцев и др. 2016), Ахмада Ханбалы (Алонцев 2016), Суфйана Саури (Лахути 2016), Давуда Та'и и Хариса Мухасибби (Никитенко 2016), Бишра Хафи (Счетчикова 2016), Сахла Тустари (Чалисова 2016), Джа'фара Садики (Алонцев 2018), 'Абдаллаха б. ал-Мубарака (Чалисова 2020).

² О критике и преследовании ранних суфиев, в том числе о процессе Гулама Халила, см. (Karamestafa 2007: 20–25).

ской традиции религиозные авторитеты первых столетий ислама постфактум входят в число суфиев.

Основными произведениями X–XIII вв., в которых происходило конструирование суфийской традиции, были биографические словари «разрядов» (*ṭabaqāt*)³, биографические разделы суфийских посланий (*risāla*) и агиографические сочинения. С этой точки зрения житийный компендиум «Поминания друзей Божиих» находится в русле био- и агиографических работ своих предшественников, при этом в данном сочинении значительно расширяется корпус историй о подвижниках. Помимо жизнеописания Абу Ханифы 'Аттар включает в свой компендиум жития основателей двух ныне действующих правовых школ (Ахмада ибн Ханбала и Мухаммада аш-Шафии), а также одной исчезнувшей (житие Суфйана ас-Саури). Нишапурский автор становится не первым среди суфиев, кто включает Абу Ханифу в ряды «друзей Божиих». До него основатель ханафитской школы был включен в биографический раздел персоязычного трактата «Раскрытие сокровитного» (*Kašf al-maḥjūb*) 'Али ибн 'Усмана Джуллаби Худжвири (ум. 1072) (Худжвири 2004: 142–147); более того, 'Аттар опирался на материалы из сочинения Худжвири при работе над «Поминанием»⁴.

В житии Абу Ханифы из «Поминания» можно выделить две ключевые функции — апологетическую и полемическую. С апологетической точки зрения 'Аттар создает агиографический портрет Абу Ханифы как «патриарха» суфийского учения. Правовед выступает не только как хранитель Сунны, но и как связующее звено между поколением сподвижников пророка Мухаммада и друзьями Божьими — героями компендиума 'Аттара. Так, к примеру, Абу Ханифа называется наставником Фузайла Ийаза, Ибрахима Адхама, Бишра Хафи, 'Абдаллаха ибн Мубарака и Давуда Та'и — подвижников первых веков ислама, позднее включенных в ряды суфиев. Кроме того, в ряде историй рассказывается об избранности друга Божьего Абу Ханифы — он видит во сне пророка Мухаммада, который завещает ему охранять Сунну, а в конце жития описывается посмертное видение Абу Ханифы, в котором он восседает вместе с пророками Мухаммадом и Ибрахимом, а также праведным халифом Абу Бакром.

Полемическая сторона жития выражается в постулировании превосходства друзей Божьих над представителями других течений мусульманской мысли. В частности, в тексте Абу Ханифа называет ложным мутазилитское учение (названное полемическим прозвищем «кадариты») о Божественных атрибутах и ограниченности воли (*irāda*) Бога. Помимо антимутазилитской полемики в житии Абу Ханифы также содержится осуждение перипатетиков и сторонников учения о вечности мира (*dahrīya*): в этой истории человек нарушает Сунну, находясь в бане без набедренной повязки, из-за чего Абу Ханифа теряет зрение.

Характерной чертой композиции и сюжета житий из «Поминания» является выделение определенных достохвальных черт в агиографическом портрете подвижника. Эти черты выделяются 'Аттаром во вступительном абзаце к житию, а затем раскрываются в тексте. Так, среди доблестей Абу Ханифы выделяются проницательность, предусмотрительность и прозорливость — впоследствии эти качества раскрываются в тексте жития. Сразу несколько историй о взаимоотношении правоведа с правителями подтверждают его обладание этим набором достохвальных качеств: в одной из

³ О суфийских сочинениях в жанре «разрядов» см. (Mojaddedi 2001).

⁴ В одном случае 'Аттар прямо ссылается на Худжвири. Об источниках «Поминания друзей Божиих» см., например, предисловие М. Исти'лами к изданию «Поминания» (Аттар 2007: бист-у хафт — си-йу си); о методах работы с сочинениями предшественников см. (Losensky 2010).

них он, в отличие от других законоведов, отказывается по приказу халифа подписывать документ о вире без личного присутствия, а в другой благодаря своей прозорливости предугадывает дальнейшее поведение именитых правоведов во время аудиенции у халифа.

Две последние истории об отношениях подвижника с правителем подчеркивают еще одну важную функцию житийного текста — компенсаторную. Абу Ханифа, не обладающий мирскими привилегиями халифа, тем не менее выходит из этих историй победителем, демонстрируя приоритет статуса друга Божьего над статусом земных правителей. Бог наделяет подвижника исключительными качествами (которые и составляют в сочинении 'Аттара агиографический портрет каждого из героев его сборника), и эти качества обеспечивают величие его авторитета как по сравнению с другими правоведами, так и в отношении сильных мира сего.

Поминание имама мира Абу Ханифы (да пребудет с ним милость Божья!)

Тот светоч закона и общины, та свеча религии и государства, тот тюльпан⁵ истин, тот Оман жемчужин смыслов и тонкостей⁶, тот познающий ученый и суфий, имам мира, Абу Ханифа Куфи (да пребудет с ним милость Божья!). Можно ли описать того, кто восхваляем на всех языках и принят всеми общинами? Его [возможности в] подвижничестве, укрощении [нижней души], уединении [от людей] и созерцании не имели предела; в основах Пути и ответвлениях закона он обладал возвышенной степенью и влиятельным мнением; он был единственным [в своем роде] в проницательности (*farāsāt*), предусмотрительности (*siyāsāt*) и прозорливости (*kiyāsāt*) и диковинным в мужестве (*murūwat*) и молодечестве (*futuwwāt*). Он был [самым] щедрым [обитателем] мира и [самым] великодушным [человеком] эпохи. Он был самым достойным [мужем своего] поколения и самым мудрым [ученым своего] времени. Он находился на возвышенной ступени и [имел] высокое положение.

Анас⁷ рассказывал, что Посланник (да благословит его Бог и приветствует!) рёк: «В моей общине будет муж, которого зовут Ну'ман ибн Сабит, а его кунья — Абу Ханифа. Он светоч (*sirāj*) моей общины».

Описание Абу Ханифы было в Торе, а Абу Йусуф⁸ рассказывал: «Я служил ему 19 лет. В течение этих 19 лет он творил утреннюю молитву, [находясь в состоянии] чистоты после ночной молитвы⁹». Малик Анас¹⁰ говорил: «Я знаю Абу Ханифу таким: если он утверждает, что эта колонна — золотая, то сможет это доказать». Величайший имам Шафи'и говорил: «Все ученые мира — семья Абу Ханифы». 'Али ибн Аби Талиб слышал, как Пророк (да благословит его Бог и приветствует!) говорил:

⁵ «Тюльпан» — *ni' mān*. В этом образе обыгрывается имя Абу Ханифы — Ну'ман.

⁶ «Оман жемчужин» — *'Umān-i jawāhir*. Местность Оман, расположенная на берегах Оманского залива и Аравийского моря, находилась на пересечении морских путей и считалась одним из центров торговли в регионе. Смысл выражения «Оман жемчужин» — огромное количество жемчуга.

⁷ Анас ибн Малик — сподвижник пророка Мухаммада.

⁸ Абу Йусуф Йакуб Ансари Куфи — один из ближайших учеников Абу Ханифы, занимал пост верховного судьи Багдада при халифах ал-Махди, ал-Хади и Харуне ар-Рашиде.

⁹ Абу Йусуф указывает на осмотрительность и набожность Абу Ханифы: тому не требовалось омовения перед утренней молитвой, так как он сохранял состояние ритуальной чистоты.

¹⁰ Малик ибн Анас (713–795) — основатель и эпоним маликитской школы права в исламе.

«Прекрасен тот, кто видел меня или видел того, кто видел меня». А он знал нескольких сподвижников — ‘Абдаллаха Зубайди, Анаса ибн Малика, Джабира ибн ‘Абдаллаха, ‘Абдаллаха ибн Аби Ауфа и ‘Аишу бинт ‘Аджрад (да будет доволен Бог ими всеми!). Значит, он превосходит в силу тех причин, что мы упомянули ранее. Он видел многих шейхов и имел духовное общение с Садиком (да будет доволен им Бог!). Он наставлял в науках Фузайла, Ибрахима Адхама, Бишра Хафи и [‘Абдаллаха ибн Мубарака]. А когда он прошел по *раузе* Господина посланников (благословения и мир ему!) и сказал: «*Мир тебе, Господин посланников!*», — ему был дан ответ: «*Мир тебе, имам правоверных!*»

В начале его дела он намеревался уединиться [от людей]. Передают, что он обращался [лишь] к истинной *кибле*, отвернулся от сотворенных и облачился в шерсть. Однажды ночью он видел во сне, как собрал кости Пророка (благословения и мир ему!) и отделил одни от других. Он проснулся от страха и спросил [об этом сне] у одного из последователей, Ибн Сирина¹¹. Тот ответил: «Ты достиг [настолько] высокой степени в науке Пророка (благословения и мир ему!) и сохранении Сунны, что теперь сам распоряжаешься и отличаешь достоверное (*ṣaḥīḥ*) от ложного (*ṣiḡaṭ*)». А в другой раз он видел во сне Пророка (благословения и мир ему!), который сказал: «Абу Ханифа! Ты пришел в этот мир, чтобы сделать явной мою Сунну. Не стремись к уединению!» А чудеса от его осмотрительности были таковы. Ша‘би¹², который был его учителем, состарился. Халиф устроил собрание, пригласил Ша‘би, призвал ученых мужей и огласил такое условие: они [должны] выписать виру¹³ на имя каждого слуги. Одни — по договоренности, другие — за счет скота, третьи — за счет вакфа. Затем слуга принес эти записи Ша‘би, который был судьей, и сказал: «Повелитель верующих приказывает — напишите подтверждение». Он написал, написали и другие законоведы. [Слуга] принес это Абу Ханифе и сказал: «Повелитель верующих приказывает — напишите подтверждение». Тот спросил: «Где?» Ему ответили: «В доме». Он спросил: «Повелитель правоверных придет сюда или я пойду туда, чтобы засвидетельствование стало верным?» Слуга надавил на него, мол, судья и законоведы подписали, а ты умствуешь? Абу Ханифа ответил: «*Ей — то, что она приобрела*»¹⁴. Эти слова донесли халифу. Он вызвал Ша‘би и спросил: «Является ли встреча [обязательным] условием при засвидетельствовании?» Тот ответил: «Да, является». [Халиф] спросил: «А разве ты меня видел, что взялся подтверждать?» Ша‘би ответил: «Я знал, что это твой приказ». Халиф сказал: «Далеки от истины эти слова, а суждение этого юноши выше твоего».

После этого Мансур, который был халифом, задумал передать кому-нибудь [должность] судьи и спросил об этом совета четырех лучших ученых: один — Абу Ханифа, второй — Суфйан¹⁵, третий — Шарик, а четвертый — Мисс‘ар ибн Кидам. Всех четырех призвали [ко двору]. По пути Абу Ханифа сказал: «Я предвижу [действия] каждого из нас». Ему сказали: «Последует расплата». Он ответил: «Я хитростью защи-

¹¹ Ибн Сирин (564–729) — знаменитый комментатор Корана, законовед и знаток хадисов, который получил наибольшую известность как толкователь сновидений.

¹² Абу ‘Амр аш-Ша‘би — один из крупнейших законоведов Куфы из поколения, следующего за сподвижниками. Некоторое время занимал должность верховного судьи Багдада.

¹³ Вира — компенсация, выплачиваемая потерпевшей стороне за совершенное против нее преступление. Могла быть выплачена деньгами или имуществом, а невыплата считалась тяжким грехом.

¹⁴ Коран 2:286.

¹⁵ Суфйан ас-Саури — богослов и законовед, известный своими аскетическими подвигами. Традиция причисляет его к предтечам суфизма.

шусь от вынесения решения, Суфйан убежит, Мисс'ар прикинется сумасшедшим, а Шарик станет судьей». Позже Суфйан сбежал, укрылся на корабле и сказал: «Спрячьте меня, ведь мне отрубят голову». Тем самым он растолковал предание о том, как Посланник (*да благословит его Бог и приветствует!*) изрёк: «Тому, кого сделают судьей, отрубят голову без ножа», то есть всякому, кого делают судьей, отрубают голову без ножа. Моряк спрятал его, а остальные трое направились к Мансуру. Сначала он сказал Абу Ханифе: «Тебе надобно судить!» Тот ответил: «О повелитель! Я человек не из арабов, а из покровительствуемых (*mawālī*)¹⁶, старейшины арабов будут недовольны моими суждениями». Абу Джа'фар¹⁷ сказал: «Эта работа не связана с происхождением. В ней требуется знание». Абу Ханифа ответил: «Я не достоин этой работы. И в тех словах, что я сказал, если я сказал правду, то я не достоин. А если солгал, то лжец не достоин судить верующих. А ты, наместник Бога, не допустишь, чтобы твоим представителем был лжец, и не доверишь ему жизнь и имущество верующих». Сказал это и спасся. Мисс'ар вышел вперед, взял халифа за руку и спросил: «Как ты? Как твои дети?» Мансур сказал: «Выдворите его, ибо он — сумасшедший». После этого Шарик сказали: «Тебе должно судить». Он сказал: «У меня черная желчь. Внутренности мои слабы». Мансур сказал: «Вылечи это, чтобы твой разум стал совершеннее». Затем [должность] судьи отдали Шарик. Абу Ханифа прогнал его и больше с ним не разговаривал.

Передают, что [однажды] дети играли в мяч и этот мяч упал в [дом] кружка Абу Ханифы. Никто из детей не пошел забирать его. Один ребенок сказал: «Я пойду». Затем он важно вошел [в дом кружка] и забрал мяч. Абу Ханифа спросил: «Этот ребенок незаконнорожденный?» Выяснили, что так и есть. У него спросили: «Имам верующих! Как ты узнал?» Он ответил: «Если бы он был законнорожденный, стыд остановил бы его».

Передают, что некто задолжал Абу Ханифе денег. В округе этого человека умер один из учеников имама. Имам отправился на его погребальную молитву. Солнце светило ярко, а там не было никакой тени. Кроме тени от стены дома того человека, который должен был имаму. Люди сказали: «Посиди часок в этой тени». Ответил: «Этот человек должен мне. Неправильно будет, если я получу пользу от его стены. Ведь Посланник (*благословения и мир Ему!*) изрёк, мол, *всякий заём есть извлечение пользы, а это — излишек*».

Передают, что однажды его заточили в темницу¹⁸. Один из притеснителей пришел [к нему] и сказал: «Заточи мне калам». Тот ответил: «Не буду». Сколько тот ни говорил, толку не было. Спросил: «Почему ты не заточишь?» Ответил: «Боюсь, что буду из тех людей, о которых Истинный (*возвышен Он!*) изрёк: „Соберите тех, кто тиранствовал, с их сотоварищами и тем, чему они поклонялись“¹⁹». Каждую ночь он совершал триста *рак'атов* молитвы. Однажды он прогуливался. Одна женщина гово-

¹⁶ «Покровительствуемые» — *mawālī*. Первоначально — неарабское население покоренных в ходе завоеваний областей. Покровительствуемые чаще всего были вольноотпущенниками, однако после освобождения они часто сохраняли определенную связь со своими бывшими хозяевами и их наследниками, испытывая моральную обязанность защищать своих бывших господ или заботиться о них. Покровительствуемые быстро составили очень важный слой населения Халифата, а многие выходцы из этого слоя занимали важные должности при дворе омейядских и в особенности аббасидских правителей.

¹⁷ Кунья халифа Мансура.

¹⁸ Известно, что Абу Ханифа был в заключении по приказу халифа Мансура.

¹⁹ Коран 37:22.

рила другой: «Этот муж каждую ночь совершает пятьсот *рак'атов* молитвы». Имам услышал это и вознамерился (*niyyat kard*) каждую ночь совершать по пятьсот *рак'атов* молитвы, чтобы их мнение было правдой. На другой день он прогуливался, а дети говорили друг другу, мол, этот муж каждую ночь совершает тысячу *рак'атов* молитвы. Абу Ханифа вознамерился [сделать это] и потом совершал тысячу *рак'атов* молитвы.

Однажды ученик сказал ему: «Люди говорят, что имам не спит по ночам». Он ответил: «Я вознамерился больше никогда не спать по ночам». Спросили: «Почему?» Ответил: «Бог (*возвышен Он!*) говорит: „*И любят, чтобы их хвалили за то, чего они не делали*“²⁰ — есть рабы, которые желают, чтобы их восхваляли за то, чего они не совершили. Теперь я не кладу спину на землю, чтобы не стать одним из таких людей». И с этих пор он творил рассветную молитву, [находясь в состоянии] чистоты после ночной молитвы.

Передают, что колени Абу Ханифы были подобны коленям верблюда, потому что он совершил множество [молитвенных] поклонов.

Передают, что он призвал к умеренности одного важного человека ради его веры. Сказал: «Тысячу раз помолился ради его прощения». [Ему] сказали: «Однажды ты сорок раз прочитал Коран, чтобы решить очень трудный [вопрос]».

Передают, что Мухаммад ибн Хасан (*да помилует его Бог!*)²¹ был очень красив. И когда [Абу Ханифа] однажды его увидел, больше на него не смотрел. А когда учил его, сажал за колонну, ибо не должен был его взгляд падать на него.

Передают, что Давуд Та'и сказал: «Я 20 лет был при имаме Абу Ханифе и всё это время приглядывался к нему. Он не сидел с непокрытой головой ни на людях, ни в уединении. Отдыхая, он не вытягивал ноги». Я сказал ему: «Имам религии! Что, если ты вытянешь ноги, [находясь] в уединении?». Он ответил: «Важнее соблюдать приличия по отношению к Богу (*велик Он и славен!*) в уединении».

Однажды [Абу Ханифа] прогуливался и увидел ребенка, застрявшего в глине²². Он сказал: «Остерегайся, чтобы не упасть». Ребенок сказал: «Мне просто упасть. Если я упаду, то [упаду] один. А ты остерегайся, ведь если поскользнешься ты, поскользнутся все верующие, находящиеся за тобой, а всем [вместе] сложно подняться». Имам удивился одаренности ребенка, тотчас заплакал и сказал ученикам: «Будьте осторожны! Если что-то в трудном [вопросе] (*mas'ala*) для вас станет явным и укажет на более ясную причину, не следуйте в этом за мной и не судите по внешнему, подражая мне». И это признак совершенного суждения. Хотя Абу Йусуф и Мухаммад²³ имели много речений о различных трудных [вопросах].

Передают, что был один богатый человек, [который] настолько ненавидел повелителя верующих 'Усмана (*да будет доволен им Бог!*), что называл его иудеем. Эти слова дошли до имама. Он позвал его и сказал: «Я выдам твою дочь за такого-то иудея». Ответил: «Ты — имам верующих, разве ты считаешь дозволенным выдать дочь мусульманина за иудея? Как я могу такое позволить?» Абу Ханифа сказал: «Слава Богу!

²⁰ Коран 3:188.

²¹ Имеется в виду Мухаммад ибн Хасан аш-Шайбани (749–805), один из кодификаторов мусульманского права. В юности он был учеником Абу Ханифы.

²² «Застрясть в глине» — *dar gil māndan*, это словосочетание имеет также переносное значение «попасть в затруднительное положение».

²³ Вышеупомянутый Мухаммад аш-Шайбани и Абу Йусуф ал-Ансари (731–798). Оба — ученики Абу Ханифы.

Если ты не считаешь дозволенным выдать свою дочь за иудея, то как тогда было дозволено Мухаммаду, посланнику Божьему, выдать двух своих дочерей за иудеев?» Этот человек [понял] тотчас суть этих слов, избавился от этого убеждения и покался.

Передают, что однажды он был в бане и увидел человека без набедренной повязки. Одни сказали: «Он — философ». Другие сказали: «Он — дахрит»²⁴. Абу Ханифа закрыл глаза. Тот человек спросил: «Имам, когда забрали свет [твоих глаз]?» Ответил: «Тогда же, когда сняли твоё покрывало».

Сказал: «В споре с кадаритом²⁵ есть два случая: либо он окажется неверным (*kāfir*), либо отвергнет свое учение. Скажите ему, что Бог захотел, чтобы Его знание упрочилось в них, а познаваемый и знание суть одно. Если скажет „нет“, то он — неверный. Потому что когда он говорит, мол, [Бог] не хотел, чтобы Его знание упрочилось в них, а знание и познание суть одно, это — неверие. А если говорит, мол, хотел, то он покорился и отверг свое течение». Сказал: «Я не признаю скупца справедливым [свидетелем] и не прислушаюсь к его доводам, ведь скупость его от того, что он старается и требует прибавки к тому, что ему причитается».

Передают, что [однажды] строили мечеть. У Абу Ханифы попросили некоторую [сумму] по причине его святости. Иمامу это показалось много. Люди сказали: «Наше намерение было из-за его святости. Пусть даст, сколько захочет». Он скупо дал немного золота. Ученики сказали: «Имам! Ты великодушен, и нет равного тебе в щедрости. Почему тебе показалось, что много будет давать такое количество золота?» Ответил: «Это не из-за денег. Но я достоверно знаю, что дозволенные (*ḥalāl*) деньги никогда не будут истрачены ради воды и глины. И я считаю, что мои деньги — дозволенные. Когда у меня попросили некоторую [сумму], скупость моя проявилась оттого, что тогда бы в моих деньгах появилась бы [часть] сомнительного (*ṣubḥat*). По этой причине я так поскупился». Прошло несколько дней, и эти деньги вернули обратно и сказали: «Это медяки». Имам очень обрадовался.

Передают, что однажды он шел по рынку. К его платью прилипло немного глины, он отправился в сторону Диджлы и начал стирать. Ему сказали: «Имам! Ты дозволяешь некоторое количество нечистот на одежде и отстирываешь кусочек глины?» Он ответил: «Да, решение (*fatwā*) — это одно, а богобоязненность (*taqwā*) — это другое. Точно так же, как Посланник (*благословения и мир ему!*) не одобрил половины лепешки, которую Биал²⁶ оставил про запас и в течение года раздавал женам пропитание».

Говорят, что, когда Давуд Та'и стал предстоятелем [на молитве], он сказал Абу Ханифе: «Что мне теперь делать?» Ответил: «Теперь тебе нужно применять знание, ведь всякий, кто не применяет знание, подобен телу без духа». Говорят, однажды халиф увидел во сне Ангела смерти и спросил у него: «Сколько мне осталось?» Ангел смерти показал пять пальцев. Толкование этого сна спрашивали у многих, но ясность не

²⁴ Дахрит — обобщающее пейоративное название последователей разных мировоззрений, отрицавших сотворение мира и всего сущего Богом. В авторитетных сборниках хадисов приводится сообщение Аиши, жены Мухаммада, о том, что он разрешал мужчинам заходить в баню только в набедренных повязках (см., например: *Абу Давуд ас-Сиджистани*. Сунаан Аби Давуд. [Сборник традиций Абу Давуда.] URL: <https://sunnah.com/>). Таким образом, человек без набедренной повязки нарушил Сунну, что и вызвало подозрение в его принадлежности к «неправоверным» учениям.

²⁵ Кадарит — прозвище, которым мусульманские авторы, выступавшие против постулата об автономности человеческой воли, обозначали их идеологических соперников (в частности, мутазилитов), считавших, что человек является творцом (*khāliq*) своих действий.

²⁶ Сподвижник пророка Мухаммада, первый муэдзин.

наступила. Он вызвал Абу Ханифу и спросил у него. Тот ответил: «Он указал на пять премудростей, которых никто не знает, и те пять премудростей в этом аяте: „Поистине, у Аллаха ведение о часе; Он низводит дождь и знает, что в утробах, но не знает душа, что она приобретет завтра, и не знает душа, в какой земле умрет. Поистине, Аллах — ведающий, знающий“²⁷!«».

Шейх ‘Али ибн ‘Усман ал-Джулаби говорит: «Когда я был в Шаме, я спал у могилы Билала муэдзина (да будет доволен им Аллах!). Во сне я видел себя в Мекке, а Пророк (благословения и мир ему!) выходил из ворот Бани Шиба²⁸ и нес старца так, как несут детей — со всей осторожностью. Я прибежал к нему, поцеловал его ноги и удивился: „Кто этот старец?“ Чудесным образом Пророк (благословения и мир ему!) озарил меня изнутри и сказал: „Это предводитель для тебя и всей твоей обители, Абу Ханифа“». Да смилостивится над ним Аллах!

Передают, что Науфал ибн Хаййан сказал: «Когда Абу Ханифа скончался, я видел во сне день Воскресения, когда всё сотворенное стояло [в ожидании] расчета. Пророк (благословения и мир ему!) стоял у пруда, а слева и справа от него я видел шейхов: прекрасного старца с седой бородой и белым лицом, а лицо его обращено к Пророку (благословения и мир ему!). И видел Абу Ханифу, который стоял напротив Пророка (благословения и мир ему!). Я поприветствовал его и сказал: „Дай мне воды“. Он ответил: „Пока Пророк не разрешит (благословения и мир ему!)“. Затем Пророк изрек: „Дай ему воды“. Он дал мне чашу с водой. Мы с учениками попили из нее, но [воды] в ней не стало меньше. Я спросил: „Ради Пророка, кто этот старец?“ Он ответил: „Ибрахим, друг Божий [справа], а Абу Бакр Сиддик — слева“». Я точно так же спрашивал и получал в руки жемчужину. Когда я проснулся, у меня было 70 жемчужин.

Йахйа Му‘аз Рази рассказывал, мол, видел во сне Пророка (благословения и мир ему!). Я спросил: «Чего просят у тебя?» Он ответил: «Знания Абу Ханифы». Его доблести велики, а достохвальные [качества] бесчисленны. На этом мы закончим.

Литература

- Алонцев 2016 — Алонцев М.А. «Ты не назвал Коран сотворенным»: Ахмад ибн Ханбал // Шаги/Steps. 2016. № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ty-ne-nazval-koran-sotvorennym-ahmad-ibn-hanbal> (дата обращения: 01.06.2024).
- Алонцев 2018 — Алонцев М.А. «Меч Сунны и украшение пути»: агиографический портрет Джа‘фара Садики в суфийской традиции // Шаги/Steps. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mech-sunny-i-ukrashenie-puti-agiograficheskiy-portret-dzha-fara-sadika-v-sufiyskoj-traditsii> (дата обращения: 01.06.2024).
- Алонцев и др. 2016 — Алонцев М.А., Лахути Л.Г., Никитенко Е.Л., Заглубокая (Счетчикова) Т.А., Чалисова Н.Ю. Джунайд Багдади. «Павлин учёных» и «Султан приобщённых к истине» // Ya evam veda... Кто так знает... Памяти Владимира Николаевича Романова / Сост.: Н.Ю. Чалисова, Н.В. Александрова, М.А. Русанов; под общ. ред. И.С. Смирнова. М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 381–439 (Orientalia et Classica. LXI).
- Аттар 2007 — Шайх Фарид ад-дин Мухаммад Аттар Нишапури. Тазкират ал-Авлийа / Барраси, тасхих-и матн, тавзихат ва фахарис: дуктур Мухаммад Исти‘лами [Поминание друзей Божиих / Исследование, издание текста, примечания и указатели доктора Мухаммада Исти‘лами]. Тегеран: Заввар, 2007.

²⁷ Коран 31:34.

²⁸ Одни из ворот запретной мечети в Медине.

- Заглубоцкая 2015 — *Заглубоцкая Т.А.* Жизнеописание Али Сахла Исфакхани из «Тазкират-ал-аулийа» 'Аттара и суфийская агиографическая традиция // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2015. № 1(42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizneopisanie-ali-sahla-isfahani-iz-tazkirat-al-auliya-attara-i-sufiyskaya-agiograficheskaya-traditsiya> (дата обращения: 30.05.2024).
- Лахути 2016 — *Лахути Л.Г.* Осмотрительность и упование: законовед Суфьян Саури и суфий-воин Шакик Балхи // Шаги/Steps. 2016. № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmotritelnost-i-upovanie-zakonoved-sufyan-sauri-i-sufiy-voin-shakik-balhi> (дата обращения: 01.06.2024).
- Никитенко 2016 — *Никитенко Е.Л.* Два пути познания Бога: Давуд Та'и и Харис Мухасиб // Шаги/Steps. 2016. № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-puti-poznaniya-boga-davud-ta-i-i-haris-muhasibi> (дата обращения: 01.06.2024).
- Рейснер, Чалисова 1998 — *Рейснер М.Л., Чалисова Н.Ю.* «Я есмь Истинный Бог»: образ старца Халладжа в лирике и житийной прозе 'Аттара // Семантика образа в литературах Востока. М.: Вост. лит., 1998. С. 121–158.
- Счетчикова 2016 — *Счетчикова Т.А.* «Ты благоухал Наше имя, и мы благоушаем тебя»: Бишр по прозвищу босой // Шаги/Steps. 2016. № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ty-oblagouhal-nashe-imya-i-my-oblagouhaem-tebya-bishr-po-prozvischu-bosoy> (дата обращения: 01.06.2024).
- Худжвири 2004 — *Али ибн Усман Джуллаби Худжвири.* Кашф ал-Махджуб. Мукаддама, тасхих ва та'ликат-и Махмуд Абиди [Введение, издание и комментарии Махмуда Абиди]. Тегеран: Суруш, 2004.
- Чалисова 1989 — *Чалисова Н.Ю.* «Зикр Малика Динара» из «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-Дина Аттара // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М.: Наука, ГРБЛ, 1989. С. 139–173.
- Чалисова 2015 — *Чалисова Н.Ю.* «Аромат» Увайса Карани в персидской поэзии и его житие в «Поминании друзей» 'Аттара // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 3. С. 74–94.
- Чалисова 2016 — *Чалисова Н.Ю.* «Сила моя от голода, а слабость — от сытости»: житие Сахла Тустари // Шаги/Steps. 2016. № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-moya-ot-goloda-a-slabost-ot-sytosti-zhitie-sahla-tustari> (дата обращения: 01.06.2024).
- Чалисова 2020 — *Чалисова Н.Ю.* «Ведущий две войны»: житие 'Абдаллаха б. ал-Мубарака в «Поминании друзей Божиих» 'Аттара // Ориенталистика. 2020. Т. 3. № 4. С. 1133–1149. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1133-1149.
- Karamustafa 2007 — *Karamustafa, Ahmet.* Sufism: The Formative Period. Edinburgh University Press, 2007.
- Losensky 2010 — Losensky, Paul. The Creative Compiler: The Art of Rewriting in 'Attār's Tazkirat al-awliyā' // The Necklace of the Pleiades: 24 Essays on Persian Literature, Culture and Religion. Studies in Persian Literature Presented to Heshmat Moayyad on His 80th Birthday. Leiden, 2010. P. 107–120.
- Mojaddedi 2001 — *Mojaddedi, Javid.* The Biographical Tradition in Sufism: The Tabaqat Genre from al-Sulami to Jami. Curzon Press, 2001.

References

- Alontsev, Maksim A. “‘Mech Sunny i ukrashenie Puti’: agiograficheskii portret Dzha'fara Sadika v sufiiskoi traditsii” [The Sword of Sunna and the Beauty of the Path: The Hagiographic Portrait of Ja'far Sadiq in Sufi Tradition]. *Shagi/Steps*, 2018, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mech-sunny-i-ukrashenie-puti-agiograficheskii-portret-dzha-fara-sadika-v-sufiyskoy-traditsii> (accessed: 01.06.2024) (in Russian).

- Alontsev, Maksim A. “‘Ty ne nazval Koran sotvorennym’: Akhmad ibn Khanbal” [You Didn’t Recognize the Quran as Created: Ahmad Ibn Hanbal]. *Shagi/Steps*, 2016, no. 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ty-ne-nazval-koran-sotvorennym-ahmad-ibn-hanbal> (accessed: 01.06.2024) (in Russian).
- Alontsev, Maksim A. & Lakhuti, Leyli G. & Nikitenko, Evgeniya L. & Zaglubotskaia (Schetchikova) Tatyana A. & Chalisova, Natalya Iu. “Dzhunaid Bagdadi: ‘Pavlin uchenykh’ i ‘Sultan priobshchennykh k istine’” [Junayd Baghdadi: “The Peacock of the Learned” and “The Sultan of the Realised”]. In: *Ya evam veda... Kto tak znaet... Pamiati Vladimira Nikolaevicha Romanova* [Ya evam veda... Who Knows That Way... In the Memory of Vladimir N. Romanov. Ed. Natalya Iu. Chalisova, N.V. Aleksandrova, M.A. Rusanov; general editor: I.S. Smirnov. Orientalia et Classica, vol. LXI]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2016, pp. 381–439 (in Russian).
- ‘Attār, Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad Nišābūrī. *Tazkiratu-l-awliyā’*. Barrasī, tašhīh-i matn, tawzīhāt va fahāris: duktur Muḥammad Isti‘lāmī [The Memorial of God’s Friends. Research, Critical Edition and Commentaries by Dr. Muhammad Isti‘lami]. Tehran: Zavvār, 2007 (in Persian).
- Chalisova, Natalia Iu. “‘Vedushchii dve voiny’: zhitie ‘Abdallakha b. al-Mubarak v ‘Pominaniiakh družei Bozhiikh’ ‘Attara’ [‘The Warrior Fighting Two Wars’: Life of ‘Abdallah ibn al-Mubarak in the ‘Attar’s Memorial of God’s Friends]. *Orientalistica*, 2020, vol. 3, no. 4, pp. 1133–1149 (in Russian). DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1133-1149.
- Chalisova, Natalia Iu. “‘Aromat’ Uvaysa Karani v persidskoi poezii i ego zhitie v ‘Pominanii družei Bozhiikh’ ‘Attara’ [The “Flavor” of Uways Qarani in Persian Poetry and His Story in the ‘Attar’s Memorial of God’s Friends]. *Vestnik RGGU: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2015, no. 3, pp. 74–94 (in Russian).
- Chalisova, Natalia Iu. “‘Sila moia ot goloda, a slabost’ — ot sytosti’: Zhitie Sakhla Tustari” [“My Strength Comes from Hunger and my Weakness from Satiety”: The Narrative of Sahl of Tustar]. *Shagi/Steps*, 2016, no. 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-moya-ot-goloda-a-slabost-ot-sytosti-zhitie-sakhla-tustari> (accessed: 01.06.2024) (in Russian).
- Chalisova, Natalya Iu. “Zikr Malika Dinara’ iz ‘Tazkirat al-auliia’ Farid ad-Dina Attara” [The Zikr of Malik Dinar from the Memorial of God’s Friends by Farid al-Din Attar]. In: *Sufizm v kontekste musul’manskoi kul’tury* [Sufism in the Context of Islamic Culture]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1989, pp. 139–173 (in Russian).
- Hujwiri, ‘Alī ibn ‘Uṭman Jullabī. *Kašf al-mahjūb* [The Unveiling of the Secrets]. *Muqaddama, tašhīh va ta’liqāt-i Maḥmūd ‘Ābidī* [Introduction, Edition, and Commentaries by Mahmud Abidi]. Tehran: Surūš, 1393 (in Persian).
- Karamustafa, Ahmet. *Sufism: The Formative Period*. Edinburgh University Press, 2007 (in English).
- Lakhuti, Leyli. G. “Osmotritel’nost’ i upovanie: zakonoved Sufian Sauri i sufii-voin Shakik Balkhi” [Scrupulousness and Trust in God: Sufyan Sawri, the Legal Scholar, and Shaiq Balkhi, the Sufi Warrior]. *Shagi/Steps*, 2016, no. 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmotritelnost-i-upovanie-zakonoved-sufyan-sauri-i-sufii-voin-shakik-balhi> (accessed: 01.06.2024) (in Russian).
- Losensky, Paul. “The Creative Compiler: The Art of Rewriting in ‘Attār’s Tazkirat al-awliyā’”. In: *The Necklace of the Pleiades: 24 Essays on Persian Literature, Culture and Religion*. *Studies in Persian Literature Presented to Heshmat Moayyad on His 80th Birthday*. Leiden, 2010, pp. 107–120 (in English).
- Mojaddedi, Javid. *The Biographical Tradition in Sufism: The Tabaqat Genre from al-Sulami to Jami*. Curzon Press, 2001 (in English).
- Nikitenko, Evgeniya L. “Dva puti poznaniia Boga: Davud Ta’i i Kharis Mukhasibi” [Two Ways to Knowledge of God: Davud Ta’i and Harith Muhasibi]. *Shagi/Steps*, 2016, no. 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-puti-poznaniya-boga-davud-ta-i-i-haris-mukasibi> (accessed: 01.06.2024) (in Russian).
- Reisner, Marina L. & Chalisova, Natalya Iu. “‘Ia esm’ Istinni Bog’: obraz startsa Khalladza v lirike i zhiiti noi proze ‘Attara’ [I am the Truth: The Image of Hallaj in Poetry and Hagiography] In: *Semantika obraza v literaturakh Vostoka* [Semantics of Image in the Literatures of the East]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998 pp. 121–158 (in Russian).

- Schetchikova, Tatyana A. “‘Ty oblagoukhal Nashe imia, i my oblagoukhaem tebia’: Bishr po prozvischu bosoi” [“You Made Fragrant Our Name, so We Make You Fragrant”: Bishr the Barefoot]. *Shagi/Steps*, 2016, no. 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ty-oblagouhal-nashe-imya-i-my-oblagouhaem-tebya-bishr-po-prozvischu-bosoy> (accessed: 01.06.2024) (in Russian).
- Zaglubotskaia, Tatyana A. “Zhizneopisanie Ali Sakhla Isfakhani iz ‘Tazkirat-al-auliia’ ‘Attara i sufiiskaia agiograficheskaya traditsiia” [The Hagiography of Ali Sahl Isfahani from Attar’s “Memorial of God’s Friends” and Sufi Hagiographic Tradition]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Khujand State University Named after Academician B. Gafurov. Scientific journal. Humanities], 2015, no. 1(42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizneopisanie-ali-sahla-isfahani-iz-tazkirat-al-auliya-attara-i-sufiyskaya-agiograficheskaya-traditsiya> (accessed: 30.05.2024) (in Russian).

“You Came into this World to Manifest My Sunna”: A Hagiographic Portrait of Abu Hanifa in the *Memorial of the Friends of God* by Farid al-Din ‘Attar (d. 1221)

Maksim A. ALONTSEV

HSE University
Moscow, Russian Federation

Received 10.02.2025.

Abstract: The article offers a translation and analysis of the hagiography of Abu Hanifa from the Persian-language Sufi hagiographical compendium *Memorial of God’s Friends* by Farid al-Din ‘Attar Nishapuri (d. 1221). The unique position of this hagiography within this seminal work is of particular interest, as it showcases the multifaceted functions characteristic of the hagiographical genre. By their very nature, hagiographic texts must address both the community members and the external audiences who may serve as a potential base for the movement’s expansion. Including a renowned jurist and founder of Hanafi *mazhab* among the “Friends of God” aligns with the overarching trend in Sufism towards constructing the history of Sufi piety through different eras. However, a careful analysis of the text also reveals a clear polemical orientation, which highlights an essential aspect of both the Sufi movement and the broader medieval Muslim intellectual milieu, characterized by constant debates. Ultimately, the hagiography of Abu Hanifa presents Sufism as the sole possible “righteous” strategy for pious behavior among Muslims, emphasizing the importance of “Friend of God” as a role model for both adherents to the movement and those outside the community.

Key words: Attar, intra-confessional polemics, legitimation of Sufism, construction of the tradition, Sufism, Sufi hagiography.

Acknowledgements: This article was supported by the scholarship program of the Moscow Religious Board of Muslims and the Zakyat Charitable Foundation.

For citation: Alontsev, Maksim A. “‘You Came into this World to Manifest My Sunna’: A Hagiographic Portrait of Abu Hanifa in the *Memorial of the Friends of God* by Farid al-Din ‘Attar (d. 1221)”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 2 (iss. 61), pp. 51–62 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO634393.

About the author: Maksim A. ALONTSEV, Cand. Sci. (Philology), HSE University (Moscow, Russian Federation) (malontsev@hse.ru). ORCID: 0000-0003-2490-1551.